DOI: 10.48647/ICCA.2026.94.44.013

Н.В. Чирков
Амурский государственный университет

Адаптация христианского вероучения в конфуцианском дискурсе: Катехизис «Тянчжу Шии» Маттео Риччи как опыт межцивилизационного культурно-религиозного диалога[1]

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию Катехизиса «Тяньчжу Шии» (天主實義), составленного иезуитским миссионером Маттео Риччи в период активного католического присутствия в Китае в конце XVI — начала XVIII веков. Диалогическая форма катехизиса, выстроенная как беседа между представителями западной и китайской философской мысли, отражает намеренную авторскую стратегию совмещения католической догматики с интеллектуальными категориями конфуцианской традиции, прежде всего восходящими к конфуцианскому каноническому корпусу Лунь Юй (論語). С момента первой публикации в 1603 г. катехизис приобрёл центральное значение для формирования миссионерского дискурса в Китае: он неоднократно переиздавался в том числе и в диалектных версиях, использовавшихся последующими поколениями миссионеров из разных католических орденов и конгрегаций. В статье анализируется, каким образом М. Риччи осуществлял концептуальную адаптацию христианского вероучения посредством конфуцианской символики и понятийного аппарата для китайцев. Эмпирическую основу работы составляют архивный китайский текст катехизиса (Архив конгрегации иезуитов, Рим, шифр Jap-Sin I, 44), а также его переводы на итальянский и английский языки.

Ключевые слова: инкультурация христианства, межкультурный диалог, межрелигиозный диалог, миссионерская деятельность, катехизис, Маттео Риччи, иезуиты, Тяньчжу Шии, конфуцианство, Китай, Европа.

Nikolai V. Chirkov
Amur State University

The Adaptation of Christian Doctrine within Confucian Discourse: Matteo Ricci's «Tianzhu Shiyi» Catechism as an Example of Inter-Civilizational Cultural and Religious Dialogue[2]

Abstract. This article examines the catechism «Tianzhu Shiyi» (天主實義), compiled by the Jesuit missionary Matteo Ricci during the period of active Catho-

[1] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00807, https://rscf.ru/project/24-18-00807/

[2] The work was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-18-00807, https://rscf.ru/project/24-18-00807/

lic presence in China in the late 16th and early 18th centuries. The catechism's dialogical form, structured as a conversation between representatives of Western and Chinese philosophical thought, reflects the author's deliberate strategy of reconciling Catholic dogma with the intellectual categories of the Confucian tradition, primarily those derived from the Confucian canonical text «Lun Yu» (論語). Since its first publication in 1603, the catechism has played a central role in shaping missionary discourse in China: it has been reprinted numerous times, including in dialectal versions, and was used by subsequent generations of missionaries from various Catholic orders and congregations. This article analyzes how M. Ricci carried out a conceptual adaptation of Christian doctrine for the Chinese through Confucian symbolism and conceptual frameworks. The empirical basis of this study consists of the archival Chinese text of the catechism (Archives of the Society of Jesus, Rome, code Jap-Sin I, 44), as well as its translations into Italian and English.

Keywords: Inculturation of Christianity, intercultural dialogue, interreligious dialogue, missionary activity, catechesis, Matteo Ricci, Jesuits, Tianzhu Shiyi, Confucianism, China, Europe/

Итальянский иезуит Маттео Риччи занимает особое место в истории католической миссионерской деятельности и в истории диалога между европейской и китайской цивилизациями. Будучи первым западным миссионером, получившим официальное разрешение проживать в Пекине при императорском дворе, он также вошёл в историю как первый европейский автор, писавший оригинальные сочинения непосредственно на китайском языке. Помимо этого, в ряды его заслуг относится составление первых китайско-итальянских и китайско-латинских словарей, заложивших основу для последующей синологической лексикографии. Глубокое освоение категорий китайской культуры, философии и религии позволили ему выработать собственную стратегию инкультурации христианства в Китае: аспекты католического вероучения излагались им посредством образов, элементов, понятий и терминологии органичные для китайской интеллектуальной традиции того времени, что в свою очередь способствовало их восприятию китайцами.

Среди сочинений М. Риччи особое место занимает катехизис, написанный на китайском языке «Тянчжу Шии» (天主實義, *пиньинь*: *Tiānzhǔ shíyì*, «Истинный смысл «Владыки Небес»). В западных и китайских католических кругах его неофициальное название закрепилось как «Катехизис Маттео Риччи» [Чирков 2024, 49—53]. В политике культурной аккомодации, предпринятой М. Риччи, прослеживается чёткое различие между катехизисом и христианской доктриной. Согласно позиции Римско-католической церкви, целью катехизиса является аргументация формул веры по схеме: вопрос — ответ, тогда как доктрина транслирует вероучительные положения (догматы) в неизменном виде [Olmi 2013, 26]. Этой разницей обусловлен выбор формы катехизиса как наиболее эффективного инструмента, позволявшему М. Риччи в процессе евангелизации

объяснять сложные вероучительные аспекты христианства китайцам, воспитанным в иной религиозно-философской традиции.

До составления и издания катехизиса «Тяньчжу Шии» в 1603 г. предшествовали два более ранних текста: «Тяньчжу цзяояо» (天教要) и «Тяньчжу шилу» (天主實錄), в которых содержались переводы молитв, Десяти Божьих Заповедей и Символа Веры. Эти тексты напрямую отражали традиционный миссионерский подход проповеди христианства, от которой М. Риччи впоследствии сознательно отказался. Работа над текстом катехизиса велась с начала 1580-х гг.. В редактировании и языковой адаптации катехизиса в соответствии с нормами классического китайского языка существенную роль оказал друг Риччи — конфуцианский учёный и литератор Фэн Инцзин (冯应京) [Olmi 2013, 5]. Помимо китайского названия, работа также была озаглавлена М. Риччи на латыни: «*De Deo verax disputatio*», или сокращенно «Cathechismus Sinicus», что в переводе обозначает «Подлинное рассуждение о Боге» и «Китайский Катехизис» соответственно [Ricci 2001, 189].

Теоретическую основу работы М. Риччи составляло убеждение в том, что китайская классическая литература, преимущественно конфуцианское «Четверокнижие» содержит смысловые основания, совместимые с христианским вероучением, а следовательно, это можно использовать в стратегии культурной аккомодации для интерпретации и объяснения сложных концептов христианского вероучения в контексте Китая. В своём письме к вице-провинциалу (настоятелю иезуитской миссии) Франческо Пасио в Японию 1609 г. М. Риччи аргументировал это положение следующими словами: «*Если мы хорошо изучим все эти книги, то найдем в них очень мало того, что противоречит свету разума, и много того, что ему соответствует. [...] В этом царстве высоко ценятся письма и, следовательно, знания и мнения, основанные на разуме. [...] И по этой причине нам будет легко убедить вождей царства в том, что наша святая вера подтверждается столь очевидными доводами*» [Ricci 2001, 517—518]. Иными словами, М. Риччи подчёркивал два важных положения. Во-первых, что, по его мнению, китайская классика уже содержит в себе *Путь Тяньчжу* (Путь Бога), следовательно, западным миссионерам в своей проповеднической деятельности необходимо прибегать к интерпретации этих текстов с позиции христианства. Во-вторых, осознание первого факта открывает возможность убедительного представления христианского вероучения именно образованным слоям китайского общества, заручившись поддержкой которого можно было бы развивать проповедь и за пределами столицы Китая [D'Elia 1956, 149—150].

Катехизис «Тяньчжу Шии» составлен в форме диалога между западным и китайским учёным. Выбор данной формы отражает стратегию М. Риччи, избравшего для работы с одной стороны привычную для като-

лической церкви схему катехизиса в виде вопросов и ответов, а с другой стороны — образец главного текста конфуцианской традиции «Лунь Юй», записанномго в виде беседы Конфуция с учениками. По своей структуре катехизис делится на две части по четыре главы в каждой. Итого восемь, что соответствует сакральному значению этого числа в китайской культуре. Первая часть посвящена философскому обоснованию существования Бога в духе томистской традиции (Фомы Аквинского), полемике с тремя учениями Китая: буддизмом, даосизмом и неоконфуцианством, а также рассуждениями о нематериальности и бессмертии человеческой души [Чирков 2024, 54]. Вторая часть посвящена критике концепций перерождения в буддизме, рассуждениям понятий рая и ада, природе добра и её связь с верой, а также разъясняет монашеский обет безбрачия (целибата) и центральный догмат христианства о Боговоплощении [Чирков 2024, 54].

Конфуцианство воспринималось М. Риччи как своего рода естественная теология — наиболее совместимая и близкая к католическому вероучению из всех существовавших в то время в Китае религиозно-философских систем. Со временем в миссионерской деятельности М. Риччи оформилась религиозно-культурная концепция: «дополнять конфуцианские представления и отбрасывать буддизм» (捕儒易佛, *Бу жу и фо*) [Чирков 2024, 49]. Стратегия культурной аккомодации и инкультурации христианства, которой придерживался М. Риччи разворачивалась в три последовательных этапа. Первый — сближение христианства с конфуцианством — *хэ-жу* (合儒). Второй — его интеграция в катехизацию — *бу-жу* (補儒). Третий — устранение разногласий в пользу христианской догматики — *чжа-жу* (超儒) [Lee 1991, 5].

Проблематичным вопросом катехизиса стал поиск эквивалентного перевода понятия христианского Бога. М. Риччи остановился на термине «Тяньчжу» (天主), что дословно означало: «Владыка Неба» или «Владыка Небес», укоренённом в религиозно-культурной традиции Китая. Конфуцианская этика также стала основой для объяснения множественных положений католической догматики и морали. Например, категория сыновней почтительности соотносилась им с почитанием Бога как Верховного Отца и поклонением Ему [Ricci, 2000: 90]. Катехизис начинается утверждением о Боге-творце и последовательно наполняет это понятие религиозно-философским содержанием, переводя аристотелевско-схоластические категории в плоскость конфуцианской мысли [Chiricosta 2006, 76].

Следует сделать важное замечание, что стратегия М. Риччи не предполагала ни упрощения христианского вероучения, ни какого-либо синкретизма. Его принципиальная полемика с буддизмом и даосизмом свидетельствует, что конфуцианство было избрано им как позитивная фило-

софская основа, однако это не означало готовности к доктринальным уступкам, несмотря на некоторые замечания и упреки со стороны его миссионеров-современников из других конгрегаций, выступавших за традиционный способ евангелизации (трансляция вероучения в чистом виде, без каких-либо культурно-религиозных адаптаций). М. Риччи намеренно избегал прямого изложения католических догматов о Троице и искупительной жертве Христа — тех положений, которые с наибольшим количеством вопросов воспринимались китайцами, оставляя их для более поздних этапов катехизации. Это может свидетельствовать о выстроенной стратегии миссионера, умевшего точно считывать реальную ситуацию и соразмерять глубину богословского разговора с готовностью собеседника [Chiricosta 2006, 77].

Завершающий диалог катехизиса несёт в себе символическую нагрузку, отражающую саму суть замысла: китайский учёный, убеждённый доводами западного собеседника, в конце концов изъявляет волю принять крещение в католической церкви. Катехизис «Тяньжчу Шии» отмечает точку наивысшего расцвета миссионерской стратегии М. Риччи в межкультурном и межрелигиозном диалогах Запада и Востока. Вклад этого текста в историю католической миссиологии и истории межкультурного взаимодействия определяется не изобретением нового жанра, а чем-то куда более редким: беспрецедентной по масштабу и последовательности попыткой переосмыслить и перевести западное богопонимание и христианское вероучение в категориях китайской культурной и философской традиции.

Катехизис «Тяньчжу Шии» по праву может быть назван уникальным примером в истории католической церкви как редкий образец органичного сочетания доктринальной строгости и гибкой пастырской стратегии. При изучении данного текстового памятника необходимо удерживать в поле зрения обе его составляющие одновременно: с одной — инкультурацию христианства в китайском контексте, а с другой — презентацию западной науки и культуры китайской населения. В большинстве существующих исследований — как отечественных так и зарубежных — именно вторая из этих сторон, связанная с научной деятельностью М. Риччи и осуществляемый через неё диалог между Западом и Китаем, привлекает заметно больше внимания. Между тем первая сторона — отношение миссионера к китайской культурно-религиозной системе, его поиск точек соприкосновения между христианством и этико-философским мировоззрением китайцев остаётся недостаточно изученной и представляет значительный исследовательский потенциал.

Библиографический список

Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552—1775 гг.). М.: «Крафт+»; Институт востоковедения РАН, 2000.

Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М.: Вост. лит., 2002.

Чирков Н.В. Межрелигиозный диалог и опыт культурной аккомодации католичества Маттео Риччи в Китае // Религиоведение. 2014. № 1. С. 113—124.

Чирков Н.В. Проблематика перевода и интерпретации фундаментальной богословской терминологии на примере миссионерской деятельности Маттео Риччи в Китае // Народы и религии Евразии. 2020. № 2 (23). С. 104—116.

Чирков Н.В. Катехизис «Тяньчжу Шии» Маттео Риччи как стратегия инкультурации христианства и межкультурного диалога в Китае // Религиоведение. 2024. № 2. С. 47—61.

Archives of the Society of Jesus, Rome, code Jap-Sin I, 44.

Chiricosta A. Il vero significativo del «Signore del Cielo». Città del Vaticano: Urbaniana University Press, 2006.

D'Elia P. Prima Introduzione della Filosofia Scolastica in Cina // The Bulletin of the Institute of History and Philology, Academia Sinica. 1956. Vol. 28. Pp. 149—150.

Lancashire D., Hu Kuo-Chen P., Malatesta J. E. The True Meaning of the Lord of Heaven. Variètè Sinologiques. New Series 72. Taipei-Paris-Hong Kong: Ricci Institute for Chinese Studies, 1985.

Lee T. H. C. Christianity and Chinese Intellectuals: From the Chinese Point of View. // China and Europe: Images and Influences in Sixteenth to Eighteenth Centuries. 1991.

Mignini F. Humanitas. Attualità di Matte Ricci. Testi, fortuna, interpretazioni. — Roma: Quodlibet, 2011.

Notices biographiques et bibliographiques sur les jésuites de l'ancienne Mission de Chine, 1552—1773 (Chang-hai). — Shanghai, 1932.

Olmi A. P. Matteo Ricci e san Tommaso d'Aquino. Sette studi sul tomismo sapienziale. // Sacra Doctrina, Biannual Journal of Systematic Theology. 2020. Vol. 2. Bologna: Studio Domenicano, 2020.

Olmi A., Sūn Xùyì, Ricci M. Catechismo 天主实录. Il vero significato di «Signore del cielo». — Bologna: San Clemente, Studio Domenicano, 2013.

Ricci M. Della entrata della Compagnia di Gesù e Christianità nella Cina. — Macerata: Quodlibet, 2000. Lib. V, cap. II.

Ricci M. Descrizioni della Cina. Roma: Quodlibet, 2011.

Ricci M. Il vero significato del Signore del cielo / A cura di A. Chiricosta. Città del Vaticano: Urbaniana University Press, 2006.

Ricci M., D'Arelli F. Lettere (1580—1609). Macerata: Quodlibet, 2001.

Standaert N. Matteo Ricci and the Chinese: Spaces of Encounter Between the Self and the Other. // Euntes Docete. 2010. Vol. LXIII/1. Città del Vaticano: Urbaniana University Press, 2010. Pp. 101—122.

Standaert N. Matteo Ricci shaped by the Chinese // Scienza Ragione Fede: il genio di Padre Matteo Ricci. Macerata: EUM, 2012.

鐘鳴旦, 杜鼎克. 耶穌會羅馬檔案館明清天主教文獻 [Чжун Миньдань, Ду Динкэ. Римские архивы иезуитов династий Мин и Цин: католические документы] — 臺北: 利氏學社, 2002.

陳慧宏. 利瑪竇研究的過往及思考: 兼論幾本新著及利瑪竇史料 [Чэнь Хуэйхун. Прошлое и размышления об исследованиях Риччи: обсуждение нескольких новых книг и исторических материалов о Риччи] // 臺灣東亞文明研究學刊. 2013 年 6 月. 第 10 卷第 1 期(總第 19 期). 頁. 261—297.